

SLAVICA HELSINGIENSIA

36

Ben Hellman

ВСТРЕЧИ И СТОЛКНОВЕНИЯ

Статьи по русской литературе

MEETINGS AND CLASHES

Articles on Russian Literature

Helsinki 2009

Реймский собор разрушен!

Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны

События в северной Франции в начале первой мировой войны сыграли большую роль в формировании образа врага в странах Антанты. Ченстохов, Кашиш и Лувен уже стали символами «немецкого зверства», но наиболее трагические известия о военных действиях противника поступили именно из Франции. Во время немецкого отступления из-под Парижа возле города Реймса шли артиллерийские бои, вследствие которых пострадал знаменитый средневековый собор. Реймский собор Богоматери — не только прославленный образец готического стиля, но и национальная святыня: место коронации французских королей. Немецкие снаряды сильно повредили верхнюю часть северной башни собора и подожгли леса, построенные вокруг башни для реставрационных работ. Огонь распространился на крышу, целиком разрушив ее. Стены и своды уцелели, но многие скульптуры собора обгорели или были непоправимо повреждены¹.

В России газетные репортажи красноречиво описывали бомбардировку собора. По словам парижского корреспондента «Русских ведомостей», от храма остался только «скелет из обгорелых, почерневших стен»². В «Биржевых ведомостях» писали, что «бесценные сокровища собора погибли навсегда»³. Через несколько недель после боев Борис Савинков посетил Реймс, и в своем репортаже сообщил о печальных последствиях обстрела⁴. Газеты дополнили описания превращенного якобы в руину собора еще одной чудовищной подробностью. Французы предупредили противника, что в здании нашли приют двести раненых немецких солдат, оставленных своими при отступлении из города неделей раньше. По этой причине над собором был поднят флаг Красного Креста, но и это не стало препятствием для артиллерийского обстрела⁵.

Немцы обвиняли французов в использовании церковной башни как наблюдательного поста, но их объяснение утонуло в буре протестов, поднявшейся как в странах Антанты, так и в нейтральных странах. В Швейцарии Ромен Роллан подытожил последствия реймских событий в своем дневнике: «Ненависть растет как приливная волна»⁶. Бомбардировка была воспринята как слепая месть за военные неудачи под Парижем. Выбор цели якобы доказал, что война шла не только за политические и экономиче-

---

¹ Swaan W. *The Gothic Cathedral*. London, 1969. P. 321. Прим. 18. Собор открылся после реставрационных работ только в 1938 г.

² Буаие П. Разрушение реймского собора // *Русские ведомости*. 1914. 10 сент. №207.

³ Дмитриев Е. «Нож в сердце Франции» // *Биржевые ведомости*. 1914. 9 сент. № 14362.

⁴ Ропшин В. Реймс // *День*. 1914. 10 окт. № 275.

⁵ Бомбардировка Реймса // *Рус. вед.* 1914. 9 сент. Экстр. прилож. к № 206.

⁶ Rolland R. *Journal des années de guerre 1914-1919*. Paris, 1952. P. 56.

ские интересы, но Германия поднялась против культуры и христианства. «Пруссаки не довольствуются людьми — они убивают душу народов», — суммировал Алексей Масаинов в газете «День»⁷.

Первые русские отклики на реймские события появились в художественной и академической среде. Письма протеста были составлены в Императорском археологическом обществе и Императорском обществе изящных искусств. Воззвание Московского общества архитекторов-художников было послано в Международный постоянный комитет архитекторов с просьбой поддержки⁸. Николай Рерих, член Реймской академии художеств, отправил телеграмму соболезнования французскому президенту Пуанкаре⁹ и в открытом письме призвал американский сенат и американских почитателей искусства подать голос против невиданного вандализма¹⁰. «Неужели нельзя понять, что воевать с книгой, картиной, статуей, памятником зодчества — непростительно!» — восклицал он в статье «Постыдное дело»¹¹. Сергей Маковский считал слово «варварство» слишком слабым для характеристики немецких поступков. Аттила и Тамерлан являлись настоящими варварами, чуждыми идеалам христианства и гуманизма, но тут речь шла о «варварстве “образованного” хама, обезумевшего от права на кровь». Бомбардировка Реймского собора была, по Маковскому, «хулой на Духа Святого»:

Есть жертвы, переносимые без вопля. Есть позор, перед которым бесильно даже презрение. Этот позором покрыли себя отступающие пруссаки, направившие свои тяжелые орудия на Реймский собор <...>¹².

Александр Бенуа, со своей стороны, предлагал, чтобы развалины собора сохранили как «вечную молитву о небесной мести»¹³.

В русской беллетристике Реймская трагедия мгновенно стала распространённым мотивом. О немецком злодеянии в далекой Франции писали стихотворения, поэмы, рассказы, повести и даже одну пьесу. В основном речь идет о писателях малоизвестных, однако среди прочих находим и такие имена, как Осип Манделштам, Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин, Федор Сологуб, Михаил Кузмин и Илья Эренбург. Все выразили возмущение и горе, участвуя, таким образом, в духовной мобилизации своей страны.

Георгий Иванов показал другим пример двумя стихотворениями, «Пылающий Лувен» и «Вандалам», написанными по поводу недавнего разрушения

---

⁷ Масаинов А. Разбойники! // *День*. 1914. 10 сент. № 245.

⁸ Протест художников // *Бирж. вед.* 1914. 10 сент. № 14364.

⁹ Художник-академик Н. К. Рерих... // *Бирж. вед.* 1914. 10 сент. № 14364.

¹⁰ Обращение художников к правительству Северо-Американских Соединенных Штатов // *День*. 1914. 12 сент. № 247.

¹¹ Рерих Н. Постыдное дело // *Бирж. вед.* 1914. 9 сент. № 14362.

¹² Маковский С. Гибель Реймского собора // *Бирж. вед.* 1914. 10 сент. № 14364.

¹³ Бенуа А. Гибель художественных произведений // *Речь*. 1914. 11 сент. № 244.

ратуши, собора и университетской библиотеки бельгийского города Лувена (Лёвена). В них Иванов говорил о «современных вандалах», бессмысленно уничтожающих памятники культуры, грозил им скорым «часом возмездья» и предупреждал, что «священные развалины» будут вечно свидетельствовать о преступлении¹⁴.

Стихотворение «Гибнущая святыня» Николая Архангельского выражает глубокую скорбь по поводу судьбы Реймского собора. Законы христианства попораны, когда знаменитый собор рушится, «отвсяду сдавленный толпой дикарей», и можно только молиться и принять последний вздох святого памятника¹⁵. Варвары, беспощадно разрушающие Реймский собор, неспособны понять, что это «дар Божеству», «каменный мост меж землей и святыми». Такова тема «Реймского собора» Владимира Вишнякова¹⁶. А. Липецкий («Собор Богоматери») призывал «гордеца» не трогать старинный храм, одновременно признавая тщетность своего призыва, так как сердце «Атилы нового» глухо к религиозным и эстетическим чувствам¹⁷. И Иероним Арденин («Помни Реймс!») предполагал, что нет слов, сумевших бы тронуть сердце «палача». Своим оскорблением священного места немец обрек себя на вечное проклятие¹⁸. У Дмитрия Цензора («Реймс») разрушение собора является доказательством того, что Германия отвергла Христа и стала «подругой Сатаны»¹⁹. Михаил Кузмин начал свой стихотворный комментарий к событиям словами «Вы можете разрушить башни / И осквернить святой собор», противопоставляя затем временное и вечное, материю и дух. «Свободный и нерукотворный / Сердцами строящийся храм» не сокрушить разрушителям²⁰.

Предложение А. Бенуа сохранить руины как позорное клеймо немецкой нации встретило поддержку. Во Франции Эдмонд Ростан поблагодарил врага за то, что Франция получила свой бессмертный Пантеон в виде разрушенного собора²¹. Его стихотворение «La Cathédrale» было известно в России даже в двух переводах²². Уничтожением Реймского собора немцы воздвигли себе

¹⁴ Иванов Г. Вандалам // *Нива*. 1914. № 38. С. 733. См. также: Иванов Г. Пылающий Лувен // *Аргус*. 1914. № 20. С. 127.

¹⁵ Архангельский Н. Гибнущая святыня: К бомбардировке Реймского собора германцами // *Современная война в русской поэзии*. Пг., 1914. С. 182-183.

¹⁶ Вишняков В. *В тылу армии*. Вып. 2: *Лиризы*. М., 1914. С. 8-9.

¹⁷ Липецкий А. Собор богоматери // *Современная война в русской поэзии*. Пг., 1914. С. 185.

¹⁸ Арденин И<ероним>. Помни Реймс! // *Нива*. 1914. № 40. С. 763.

¹⁹ Цензор Д. *Священный стяг: Стихи о войне*. Пг., 1915. С. 33.

²⁰ Кузмин М. «Вы можете разрушить башни...» // *Современная война в русской поэзии*. Пг., 1914. С. 199.

²¹ Rostand E. *Le vol de la Marseillaise*. Paris, 1919. P. <41>.

²² В русском переводе: Lolo <Мунштейн Л.>. Реймский собор: На мотив из Э. Ростана // *Рус. вед.* 1914. 19 сент. № 24. Также в: *Рампа и жизнь*. 1914. № 43. С. 4; *Лику войны*. М., 1915. С. <3>. Минский Н. Реймский собор: Стихотворение Эдмонда Ростана // *Речь*. 1914. 3 окт. № 266. Также в кн.: *Современная война в русской поэзии*. Пг., 1914. С. 181.

«памятник черный, / страшный памятник мрачно-позорный», утверждал В. Вегенов («Памятник»)²³. Красному (псевдониму Константина Антипова) представлялось, как развалины поведают будущим поколениям: «На немцах Каина печать — / Убийцы Реймского собора!»²⁴ Такое же видение вдохновило Александра Мейснера на обращение к «Реймскому собору»: «Пройдут века... Промчатся реки... / Ты, — чудо всех чудес старей, — / Расскажешь о двадцатом веке / И назовешь его зверей...»²⁵

Тихобережский выразил уверенность в том, что Реймс после войны станет местом паломничества. У развалин собора пилигримы увидят надпись:

«Где дух священный Жанны д'Арк
В руинах каменных витает,
Там Герострат тевтон-монарх
Веков проклятье обретает»
(«На разрушение Реймского собора»)²⁶

Валерий Брюсов был потрясен не только обстрелом Реймского собора, но и слухами о бомбардировке собора Парижской Богоматери. Роль руин в его стихотворении «Тевтону» заключается не только в напоминании о злодеяниях («Знай: в Реймсе каменная груда / Безмолвно вопиет к векам...»), но и в призыве к отмщению²⁷. На зов развалин Реймского собора отвечают чудовища-химеры Нотр-Дамской каменной громады, и месть совершится уже не человеческими руками, а скрытыми, демоническими силами.

Для Брюсова кошунство немцев заключалось не в посягательстве на храм божий, а в разрушении культурного памятника, «святыни творчества». Василий Розанов размышлял на эту же тему: «Никто не плачет решительно, что погиб *народный дом молитвы*. <...> Все оплакивали *музей*, и никто решительно не плакал *о религии*»²⁸. По его мнению, «основа Реймского собора», то есть религиозное чувство, была разрушена задолго до войны, и в этом разрушении участвовали и русские писатели. «Да, *вся литература* уложена <...> на разрушение Реймского собора»²⁹. В то время, когда соборы и в России уже давно превратились в музеи, возмущение русских писателей поступком германцев представляется Розанову лицемерием: «Нет, не *теперь* нам плакать, — и не об *этом* Реймском соборе.

²³ Вегенов В. Памятник // *День*. 1914. 11 сент. №246.

²⁴ Красный <Антипов К.>. На смерть Реймского собора // *Новый Сатирикон*. 1914. № 39. С. <12>.

²⁵ Мейснер А. Реймскому собору // *Современная война в русской поэзии*. Пг, 1914. С. 180.

²⁶ Тихобережский <Бехтерев В.>. На разрушение Реймского собора // *Новое звено*. 1914. № 40-41. С. 33.

²⁷ Брюсов В. Тевтону // *Русская мысль*. 1914. № 10. С. 166.

²⁸ Розанов В. В. *Война 1914 года и русское возрождение*. 2-е изд. Пг., 1915. С. 172-173.

²⁹ Там же. С. 174.

Давно надо было начать плакать: — о том, что отнята у нас душа бессмертная и на место ее мыслителишками вложена кривая сухая палка. Вот где пункт»³⁰.

Основой многих «реймских стихотворений» послужила антитеза материального и духовного, временного и вечного. Согласно русским поэтам, собор воплотил в себе духовные стремления и мечтания человека, и поэтому немецкая армия посягнула не только на архитектурный памятник, но и на Бога. Своим поступком она обрекла себя на гибель.

У Александра Радакова («Реймский собор») небесные силы хранят собор от кощунственных планов фрицев.³¹ И в сонете Александра Рославлева «Разрушение Реймского собора» разворачивается невидимая война ангелов с демонами. Решающее слово в этой битве принадлежит Богу:

Вопили камни, низвергаясь, грозно.
И то, что было в созиданьи розно,
Единой грудью ждало: что Творец?
И Он судил спокойно и сурово,
И к ангелам Его слетело слово,
Вещавшее Германии: конец³²

Чтобы подчеркнуть возвышенность мотива, русские поэты часто пользовались сонетной формой. Их слова обращены к самому собору, к германскому народу или кайзеру Вильгельму. Своими стихотворениями они утверждали значение и силу поэтического слова — и это в момент, когда литература находилась под угрозой маргинализации. Поэт выступает как носитель культурных и духовных ценностей, и эта роль дает ему право обращаться к сильным мира сего. Слабость этих произведений — в увлечении риторикой, часто делающей их громоздкими, отвлеченными и безличными. Как видно по стихотворению «La Cathédrale» Э. Ростана, жанр межнационален. Лирические стихотворения Кузмина, Липецкого, Архангельского, Арденина, Вегенова, Красного, Цензора, Вишнякова и других русских поэтов, по существу, являются только вариациями на заданную тему.

В прозе Федора Сологуба, Бориса Лазаревского и Рюрика Ивнева реймский мотив используется по-другому. На потрясающие события ссылаются в качестве доказательства особенной чуткости русской женщины. Госпожа София в рассказе «Предчувствие» Ивнева рассказывает после бомбардировки в сентябре 1914 г. о своем визите во Францию ровно за год до произошедшего. Остановившись тогда у своих родственников в Реймсе,

³⁰ Там же. С. 177.

³¹ Радаков А. Реймский собор // *Нов. Сатирикон*. 1914. № 38. С. 11.

³² Рославлев А. Разрушение Реймского собора: Сонет // *Нов. Сатирикон*. 1914. № 39. С. 2. Также в кн.: *Современная война в русской поэзии*. Пг., 1914. С. 184.

она посетила знаменитый собор. Когда она открыла глаза после молитвы, ей явилось видение:

Я слышала страшный гул и увидела, что вокруг, кроме развалин, нет ничего. Только воздух был не душный, а какой-то холодный, колющий и страшно синий. Все было, как в тумане. Я видела, как падали стены, обсыпая меня ослепительно синей пылью, от прекрасных произведений искусств оставались жалкие обломки, — а непрекращающийся гул орудий я не могу сравнить ни с чем. <...> Я слышала ужасный запах гари и крови. <...> О, сколько было крови <...> и алтарь был чересчур красный от крови и огня³³.

Героиня Сологуба из повести «Острие меча» Раиса не отстает от Софии. Она до сентябрьских событий видит во сне северовосточный французский ландшафт и слышит голос: «Это — Реймс». Прусский генерал, с «надменным, сухим и злым лицом» и глазами, как у хищной птицы, отдает приказ бомбардировать собор. По его представлению, это не божий храм, архитектурный памятник или историческое место, а только «что-то высокое», откуда враг может наблюдать за передвижениями немецкой армии³⁴.

И, наконец, Оля из рассказа Бориса Лазаревского. В самом начале войны у нее было страшное видение: «<...> я видела страшный пожар, горело огромное, с двумя башнями, здание. Я слышала гул пламени и грохот падавших и разбивавшихся статуй и вопли народа». Только впоследствии она узнала в храме на фотографии в одном иллюстрированном журнале неизвестный ей раньше Реймский собор³⁵. Кроме кровавого алтаря у Ивнева, все эти видения в основном сбылись, жаль только, что Ивнев, Сологуб и Лазаревский не опубликовали свои произведения до реймских событий. Проницательность авторов уступала интуиции их героинь.

В лирических откликах на бомбардировку не хватало конкретных, живых лиц, героев и антигероев. Но были в реймских событиях и драматические детали, предоставляющие возможность для эпической трактовки. Правда, заботу, проявленную о размещенных в соборе немецких солдатах, русские литераторы игнорировали. Использование собора в качестве лазарета могло быть воспринято как нечто недопустимое, ослабляющее образ собора как божьего храма, неподвластного ужасам войны. Вместо того русские писатели вдохновились другим эпизодом реймской трагедии. Во время обстрела архиепископ остался в соборе, чтобы участвовать в спасе-

---

³³ Ивнев Р. Предчувствие // *Вершины*. 1914. № 3. С. 14.

³⁴ Сологуб Ф. Острие меча // *Лукоморье: Военные рассказы*. Пг., 1915. С. 188.

³⁵ Лазаревский Б. Вася Косогорцев // *Лукоморье*. 1914. № 26. С. 8. Также в кн.: *Во время войны*. Пг., 1915.

нии раненых. Корреспондент «Русских ведомостей» передал эту сцену по телефону из Копенгагена в облагороженном виде:

Когда началась бомбардировка, архиепископ с прочим духовенством собрались перед алтарем и непрерывно молились, в то время как кругом разрывались бомбы. Они продолжали молиться и тогда, когда уже горели башни. Только когда рухнули крыша и башни, обедня прекратилась, и архиепископ со священниками покинули собор³⁶.

Если изъять священников, останется внушительный образ молящегося епископа, одного в горящем соборе, где слова молитвы смешиваются со свистом шrapнели и грохотом рухнувшей крыши. Сцена требует, кроме того, мученической смерти героя. У Осипа Мандельштама в первой, впоследствии вычеркнутой строфе стихотворения «Реймс и Кельн», ситуация полна драматизма. Автор намекает, что епископ погибает вместе со своим собором:

Шатались башни, колокол звучал –
Друг горожан, окрестностей отрада,
Епископ все молитвы прочитал,
И рухнула священная громада³⁷.

В «Реймской легенде» Дмитрия Цензора сцене с молящимся епископом придается символическое измерение. Идет борьба между Богом и Сатаной, между верой и безбожием. Бомбардировка собора представлена новым распятием Христа. Стихотворение построено как минидрама с параллельными сценами, где в главных ролях выступают епископ и кайзер Вильгельм. У Цензора немецкий император лично отдает роковой приказ: «Нет Реймсу пощады! Разрушите собор!» Во время обстрела епископ молится перед распятием, откуда Христос со слезами на глазах взирает на «страшный позор человеческих дел». Перед Вильгельмом Иисус, однако, выступает в роли грозного карателя. Пока собор горит, император ворочается в кровати. Он выходит в тревожную ночь, где ему является Христос. Понимая, что все погибло, Вильгельм признает: «Я мир затопил небывалой войной, / И дружен отныне с самим Сатаной...»³⁸ Небесная кара — неизбежна.

Образ архиепископа был взят из дневных газет, пусть и в искаженном виде. Более проблематичной фигурой является звонарь Реймского собора.

³⁶ Гроссман. Подробности реймской катастрофы // *Рус. вед.* 1914. 11 сент. № 208.

³⁷ Мандельштам О. *Собр. соч.: В 4 т.* Париж, 1981. Т. 4. С. 81.

³⁸ Цензор Д. Реймская легенда // *Аргус.* 1914. № 22. С. 38-39. Также в кн.: *Священный стяг: Стихи о войне.* Пг., 1915. С. 34-36.

Первый раз он выступает у Александра Измайлова, спустя две недели после бомбардировки. В примечании к стихотворению «Реймский звонарь» Измайлов цитирует газетную телеграмму о старом звонаре собора, бившем в колокол, пока башня не рухнула и он не погиб вместе с ней³⁹. Телеграмму, упомянутую Измайловым, найти не удалось и, по всей вероятности, она была выдумкой поэта. Историческая реальность стала условной, наступило время мифотворчества. Измайлов усилил драматизм мотива, лишая звонаря зрения и изображая его незнающим о начале войны. Только звон колоколов позволяет догадаться о происходящем. Колокола стонут под обстрелом, проклинают врага и сзывают всех на бой, пока земля, в апокалиптическом финале, не разверзается под собором и его звонарем.

От Измайлова образ мужественного звонаря перешел, по крайней мере, к четырем писателям. Свое стихотворение «На разрушение Реймского собора» Тихобережский посвятил «старому звонарю, погибшему при бомбардировке». У него задача этого персонажа — призвать народ в собор на службу в знак духовного сопротивления во время обстрела⁴⁰. У А. Ракштар («На гибель Реймского Собора») звонарь с помощью колоколов просит врага прекратить бомбардировку, «страшася Божьей кары», но, как нам уже известно, напрасно⁴¹. В «лирико-драматической поэме» «Звонарь Реймского собора» Милия Стремينا звонарь оказывается ветераном войны 1870-71 гг. На своей колокольне он произносит гневные монологи против врага. Нападение на собор он воспринимает как поворотный момент войны: приближается час возмездия. Звонарь отвергает предложение жителей города и своих детей покинуть собор. Его долг — призывать к борьбе, пока он жив. Во второй картине поэмы погибший звонарь лежит среди развалин храма, освещенный заревом пожара. Статуи-ангелы Реймского собора собираются вокруг павшего героя, посвящая ему свои песни: «Он подвига радость и счастье узнал. / Горел он восторгом священным. / И подвиг его перед родиной стал / Навеки теперь незабвенным»⁴².

Звонарю в рассказе «Лебединая песня старого собора» В. Никонова определено много различных функций. Звоном колоколов он напоминает своим соотечественникам о забытом христианском наследии и о том, что «слава, честь и вера» все-таки еще живы. Одновременно колокола будят героев французской истории. В сверхъестественном финале колоколам отводится автором еще одна задача. Звонарь, мужественно оставшийся в раз-

---

³⁹ Измайлов А. Реймский звонарь // *Бирж. вед.* 1914. 21 сент. № 14386. Также в кн.: *Современная война в русской поэзии*. Пг., 1914. С. 186-189.

⁴⁰ Тихобережский. Указ. соч. С. 32-33.

⁴¹ Ракштар А. На гибель Реймского собора // *Стихотворения по поводу общеввропейской войны 1914 г.* Пг., 1914. Вып. 1. С. 25

⁴² Стремин М. <Проскурнин С.>. *Звонарь Реймского собора: Лирико-драматическая поэма*. Пг., 1914. С. 16.

рушающейся башне, видит, как колокола разлетаются по миру, чтобы свидетельствовать о преступлениях немецкой армии и сплотить союзников.

В рассказе Никонова встречаем один из самых ярких антинемецких выпадов в русской военной литературе, знак того, что реймскому мотиву грозило рождение:

Новый удар... В одной из башен пробита стена. У старого звонаря невольно дрожит рука... Что же это за варвары скрываются там, за городом? Люди ли они? Как поднимаются у них руки на многовековую святыню народа? Как могут они наносить раны старому собору, созданному и верой, и любовью, и великим искусством? Разве у человека, имеющего сердце, может явиться желание совершать такое кощунство? Значит, они выродки, злое отребье человечество, уроды, — дети, рожденные уродами-отцами... Это не люди и не звери, а новые существа, полные зла и мерзости, — существа, для которых еще нет названия, потому что мир еще не видал их и не успел назвать!⁴³

Если стихотворения, выражающие негодование поэтов, универсальны, то героям эпических стихов о реймских событиях приданы национальные черты. Безоружные герои, молящийся епископ и непоколебимый звонарь — представители высшей духовной силы. Идеал задан уже древнерусской агиографической литературой. Но можно было поставить под сомнение не только правдивость образов епископа и звонаря, но и масштаб разрушения французского собора, т. к. газеты уже много раз были уличены в распространении пропагандистских выдумок. Для сомневающихся Леонид Андреев написал статью «Две летописи». Рядом с летописью фактов, по его словам, существует и «легкокрылая легенда», «глубоко достоверная и истинная в своей фактической недостоверности». Эти «творимые легенды», по выражению Федора Сологуба, созданы не бессовестными журналистами или писателями, а народным духом, «вдохновенной совестью народа». В русской скорби по Лувену и Реймсу выражалась вера в неприкосновенность сокровищ искусства и культуры, независимо от того, знал ли русский обыватель, чем хорош Реймский собор. Немец знал и разрушал, а русский не знал, а все-таки грустил и возмущался, заметил Андреев⁴⁴.

Приветствуя «возвышающий обман» и мифы вокруг войны, Андреев все-таки вряд ли обрадовался бы пьесе Григория Ге «Реймский собор». Данное произведение — яркое свидетельство того, как деградировал Реймский мотив. Ге был известный актер Александринского театра и,

---

⁴³ Никонов Б. Лебединая песнь старого собора // *Нива*. 1914. № 40. С. 765-766.

⁴⁴ Андреев Л. Две летописи // *День*. 1914. 21 сент. № 256.

кроме того, автор многих популярных мелодрам. О своей пьесе он говорил, что она вдохновлена образом звонаря, «образом чрезвычайно трогательным, красивым, глубоко поэтичным», и одновременно рассказами о героизме русских солдат. Своим произведением он хотел «слабым пером заклеить, чем могу, поскольку в моих силах, царственного палача XX века»⁴⁵.

Результатом оказалась смесь мотивов лубочной военной литературы, противоречащая как внешним, так и внутренним критериям правдоподобия⁴⁶. Конфликт построен на любовном треугольнике. Чтобы не потерять своего возлюбленного Беби Назарова, Аглая за большие деньги соглашается помогать немецкому шпиону. Ее соперница Вера еще с детства мечтает о героических поступках в духе Жанны д'Арк. На стене ее комнаты всегда висело изображение Реймского собора, места, тесно связанного с судьбой ее французской героини.

Без особенных трудностей и объяснений, Ге перемещает своих героев из Санкт-Петербурга в Реймс, где происходят последние драматичные сцены. Назаров, который воевал добровольцем во французской армии, умирает в Реймском соборе в объятиях обеих женщин. Аглая, раскаявшись в своем сотрудничестве с врагом, вместе с Верой клянется отомстить за смерть Беби и за разрушение собора. Их покушение на командующего германской армии, однако, терпит крах. Аглаю приговаривают к смертной казни через повешение, а Веру отдают немецким солдатам. В последнем действии мы видим умирающую, сумасшедшую Веру, лежащую у постаментов статуи мадонны, в то время как вражеская шрапнель решетит стены собора. Без тени сомнения Ге превратил реймские события в тривиальную, приключенческую историю, где главными ингредиентами являются любовь, ревность и жажда личной мести. У Ге оскорбление женского тела отодвинуло на задний план осквернение памятника культуры и оскорбление религиозного чувства.

Премьера пьесы «Реймский собор» состоялась в петроградском Театре Луна-парк 11 (24) ноября 1914 г., спустя два месяца после начала бомбардировки Реймса. Хотя немецкий обстрел этого города продолжался вплоть до лета 1918 г., большинство русских писателей потеряло интерес к данной теме уже

---

⁴⁵ Артист Г. Ге о своем «Реймском соборе» // *Бирж. вед.* 1914. 20 окт. № 14444.

⁴⁶ О пьесе Г. Ге см.: Импрессионист. Театр «Луна-Парк»: «Реймский собор Гр. Гр. Ге» // *День*. 1914. 13 нояб. № 309; Ирещкий В. Театр «Луна-Парк»: «Реймский собор Григория Ге» // *Речь*. 1914. 13 нояб. № 307; Казль. «Реймский собор»: Нов. пьеса Гр. Ге // *Обозрение театров*. 1914. 13 нояб. С. 6-7; Шебуев Н. Впечатления на «Реймском соборе» // *Обозрение театров*. 1914. 13 нояб. С. 7- 8; Татарин Н. Луна-парк: «Реймский собор», пьеса соч. Григ. Ге // *Театр и искусство*. 1914. № 46. С. 883; Маурин Е. «Реймский собор» и г-жа Павлова // *Голос жизни*. 1914. № 7. С. 18; Homo Novus <Кургель А.>. Заметки // *Театр и искусство*. 1914. № 146. С. 891-892.

через несколько месяцев. Зато заметно, как ее разработка углубляется у поэтов, вернувшихся к французской трагедии на следующий год. Стихотворение «Реймс и Кельн» Осипа Мандельштама было опубликовано весной 1915 г. Две первых строфы про молящегося епископа-мученика, жертву немецкого насилия, были вычеркнуты, и осталась мечта о солидарности и братстве поверх барьеров. Функциональным заместителем реймского епископа Мандельштам сделал вымышленного персонажа — священника Кельнского собора, негодующего по поводу обстрела французского собора. Отчасти переняв функцию реймского звонаря, «беспристрастный» немец отчаянно звонит в колокола своего собора в знак протеста: «Что сотворили вы над реймским братом?»⁴⁷

В Париже жили во время войны Максимилиан Волошин и Илья Эренбург. В отличие от своих коллег в России, они своими глазами видели Реймский собор, видели, вероятно, и до и после бомбардировки в сентябре 1914 г., и личный опыт придавал их переживаниям событий особое измерение. Обоим были также известны слова французского скульптора Огюста Родена, сравнившего Реймский собор с женщиной, vzdымающей руки к небесам. В стихотворении Волошина («Реймская богоматерь») собор олицетворяется в образе богоматери. В шести строфах изображается ее земная и духовная красота, но затем происходит резкий перелом. Святое место опозорено:

... И, обнажив, ее распяли...
Огонь лизал и стрелы рвали
Святую плоть... И по ночам,
В порыве безысходной муки,
Ее обугленные руки
Простерты к зимним небесам⁴⁸.

Сливаются воедино образы богоматери, Жанны д'Арк, Христа на кресте и Святого Себастьяна. В момент написания стихотворения — 19 февраля 1915 г. — обстрел был временно приостановлен, и мы видим в тексте только последствия войны, когда собор поднимает свои обугленные башни, как две молящихся руки, к небесам. Нет виновника, но нет и помощи; нет Бога, отвечающего на мольбы.

В декабре 1914 г. Илья Эренбург по праву свидетеля описал в своем стихотворении «О соборе Реймса» опустошение города и состояние собора. Ему не нужны ни архиепископ, ни старый звонарь; зато бездомные дети, калеки и запахи газа создают жуткий фон. Архитектурные детали западного портала, оказавшиеся под угрозой уничтожения, несут и духовный смысл. Час последнего

⁴⁷ Мандельштам О. Реймс и Кельн // *Петроградский вечер*. Пг., 1915. Кн. 4. С. 13-16. Также в: *Аполлон*. 1915. № 4-5. С. 85.

⁴⁸ Волошин М. Реймская Богоматерь // *Рус. мысль*. 1915. № 4. С. 406.

суда близок, но вопрос вины у Эренбурга усложняется. Принимая обличие богоматери, собор обращается прямо к поэту, как будто требуя его определить смысл произошедшего:

Пришла ко мне ты, тяжкая, нагая,
Спросить, готов ли я.
Готов!
Но погоди! Ты слышишь — это плачет Каин
Над пеплом жертвенных даров.⁴⁹

Ссылка на ветхозаветное братоубийство подчеркивает географическую и культурную близость воюющих европейских стран. В книге очерков «Лик войны» (1922) Эренбург вернулся к реймскому мотиву. В 1916 г., после двух лет почти непрерывного обстрела, он опять посетил Реймс, и то, что он тогда видел, как будто подтверждало первые сообщения русской печати: «Остался лишь скелет»⁵⁰. Но главным оказалось на этот раз впечатление о духовном преображении горожан. Никому не нужный и забытый до войны собор стал теперь всем дорогим и близким. Город Реймс превратился из мещанина в подвижника. Собор предстает у Эренбурга мучеником, повторившим крестный путь апостола Варфоломея, с которого «с живого, сняли кожу». Сделав три шага, Варфоломей упал наземь. «Собор еще живет, еще идет, но это уже его третий шаг»⁵¹. Эренбург вновь воспользовался метафорой Родена, чтобы описать безнадежное положение собора: «А умирающая Богородица простирает к небу пронзенные руки, моля о пощаде»⁵². Как бы в ответ на утверждения о благотворных последствиях военных событий Владимир Маяковский упоминает Реймс в сатирическом стихотворении «Гимн обеду» (1915). Под сомнение ставится возможность преобразования ненавистного ему мещанина. Для «буржуя», по-прежнему, еда и в пору войны остается главным содержанием жизни: «Если ударами ядр / тысячи Реймсов разбить удалось бы — / по-прежнему будут ножки у пулярд, / и дышать по-прежнему будет ростбиф!»⁵³

В мае 1917 г., в письме матери, А. Блок мимоходом упоминает Реймский собор. У него образ разрушенного собора утратил свою первоначальную силу. Событие стало лишь сноской в военной истории. Блок отмечает, что Россия — плотина, чьи люки не трудно открыть и таким образом дать

---

⁴⁹ Эренбург И. *Стихотворения*. Л., 1977. С. 61. С купорами в кн.: Эренбург И. *Стихи о канунах*. М., 1916. С. 18. Полностью впервые в кн.: Эренбург И. *Кануны: Стихи 1915-1921 гг.* Берлин, 1921. С. 16.

⁵⁰ Эренбург И. *Лик войны*. Изд. 2-е. Берлин, 1922. С. 49.

⁵¹ Там же. С. 49.

⁵² Там же. С. 51.

⁵³ Маяковский В. Гимн обеду // *Нов. Сатирикон*. 1915. № 29. С. 3.

желтой расе свободный путь в Европу. С цинизмом человека, уже закаленного тремя годами войны, Блок предвидит последствия: «<...> и затопили ими не один Реймский собор, но и все остальные их святые магазины»⁵⁴. Угроза с Востока оказалась ложной, но Блок был прав, предвидя в XX в. еще большие трагедии. Примечательно, однако, что Блок в 1917 г. смотрит на реймские события как будто со стороны; Реймс является *их* болью, *их* трагедией. Для Блока духовная суть реймской трагедии утрачена, и он отказывается от роли представителя европейской культуры и христианского мира, присущей другим русским писателям.

Немецкая бомбардировка Реймского собора получила отображение в русской литературе и стала ее расхожим мотивом. Первоначально мотив этот использовался непосредственно в целях военной пропаганды. Обстрел как будто бы доказал, что для врага нет ничего святого. У Мандельштама, Волошина и Эренбурга разработка мотива углубляется. Отвергая эпические, ложно-драматические и спекулятивные перипетии трагического сюжета, они представили реймские события общечеловеческой трагедией. Война стала бедой и позором всего человечества.

---

⁵⁴ Блок А. *Собр. соч.: В 8 т.* М., 1963. Т. 8. С. 487.